

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ «МОЛОДОЙ ЭМИГРАЦИИ»

Публикация Б. К о з ь м и н а

Оба печатаемые ниже документа с большой отчетливостью характеризуют те напряженные взаимоотношения, какие сложились между Герценом и Огаревым, с одной стороны, и так называемой «молодой эмиграцией» — с другой. Герцен с недоверием и враждебностью отнесся к молодым эмигрантам, в большинстве своем — выходцам из демократических слоев. Его отталкивала их грубость, их непримиримость, «желчность», по его выражению, их, порой, недостаточно широкая эрудиция при большой самоуверенности, а иногда и пренебрежении к «старикам». «Молодые эмигранты», воспитанные в политическом отношении на статьях Чернышевского и Добролюбова, со своей стороны, не хотели простить Герцену его колебаний в сторону либерализма в первые годы существования «Колокола». Их возмущали те — по словам Ленина — «бесчисленные слащавые письма в „Колоколе“ к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения» (В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 12). Они не умели или не хотели понять, что в Герцене демократ и революционер все же всегда брал верх над либералом, что «обманная воля», дарованная царем в 1861 г. народу, и беспощадные расправы царской полиции и войск с крестьянами заставили издателей «Колокола» отказаться от надежд на возможность мирных преобразований, осуществляемых волею царя. «Молодые эмигранты» не учитывали также и того, что своим отношением к польскому вопросу Герцен, употребляя выражение Ленина, «спас честь русской демократии» (там же, стр. 13). Насколько близорука в этом отношении оказалась «молодая эмиграция», можно судить по брошюре такого видного ее представителя, как Александр Серно-Соловьевич, изданной в 1867 г. под названием «Наши домашние дела».

Эта брошюра, написанная в чрезвычайно резком тоне, справедливо осуждала Герцена за отступления от демократизма к либерализму, но совершенно игнорировала тот политический перелом, который переживал Герцен в шестидесятых годах и который привел его к концу жизни к тому, что он «обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу...» (В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 11).

Герцен и «молодые эмигранты» неоднократно делали попытки объединиться для совместной работы. Однако объединение и примирение так и не удалось (подробнее об этом см. в нашей статье «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, а также в настоящем томе).

Наиболее важной попыткой к объединению явился эмигрантский съезд, состоявшийся в Женеве в конце 1864 — начале 1865 г. Первое из печатаемых нами писем непосредственно относится к этому съезду. Написано оно было Герценом за несколько дней до открытия съезда: письмо датировано 24 декабря 1864 г., первое же заседание состоялось 29 декабря (см. в этом же томе письмо Герцена к Огареву от 30 декабря 1864 г.).

Среди участников женевского съезда мы находим почти всех русских политических эмигрантов того времени: Н. И. Утина, А. А. Серно-Соловьевича, П. И. Якуби, М. С. Гулевича, Н. И. Жуковского, Л. И. Мечникова и других. Кроме эмигрантов, на съезде присутствовали некоторые русские, хотя и пребывавшие за границей вполне легально, но тем не менее решившиеся поддерживать связи с эмиграцией: В. Ф. Лугинин, С. А. Усов, В. О. Ковалевский, Л. П. Шелгунова.

Печатаемый нами первый документ является, повидимому, черновиком письма к одному из участников будущего съезда, антагонисту Герцена. На обороте неизвестной рукой написано карандашом: «Переписка, кажется Ковалевского, по поводу переговоров в Женеве с <Серно>Солов<ьевичем> и комп<анией> в 1864—65, около января.+++ Очень важно». Предположение, содержащееся в этой пометке, представляется нам маловероятным. Мы не знаем точно, какую именно позицию занимал на женевских совещаниях В. О. Ковалевский — поддерживал ли он Герцена или же примкнул к его противникам. Однако трудно допустить, чтобы он активно выступал против Герцена. Ему, незадолго до того приехавшему из России, вероятно еще далеко не ясны

были разногласия среди эмигрантов, относился же он к Герцену в это время с большим уважением. Между тем содержание печатаемого ниже письма заставляет думать, что оно адресовано лицу, занимавшему определенную антигерценовскую позицию. К сожалению, мы лишены возможности точно определить адресата. Можно высказать лишь догадку, что адресовано письмо Н. И. Утину. Приглашение на женевский съезд Герцен получил непосредственно от Утина (мы имеем в виду письмо Утина к Герцену от 5 августа 1864 г., которое будет напечатано в следующем томе «Лит. наследства»). Обращаясь к Герцену, Утин намечал четыре основные задачи, стоявшие, по его мнению, перед русской эмиграцией: пропаганда, организация регулярных сношений с Россией, налаживание связей с людьми, могущими принести пользу революционному делу, и создание денежного фонда, необходимого для революционных мероприятий и помощи нуждающимся эмигрантам.

Особенно важным Утин считал пропаганду и создание денежного фонда. Желая усилить пропаганду, он, как и многие другие эмигранты, считал необходимым преобразовать «Колокол» в орган общеэмигрантский.

В основе всех предложений Утина лежала та мысль, что эмиграция должна стать центром, непосредственно руководящим революционной работой в России. Но как раз эта мысль и была для Герцена наиболее неприемлемой: он считал, что из-за границы руководить движением невозможно. Герцен полагал, что задачи эмиграции должны ограничиваться только пропагандой, организацией связей с революционными группами и кружками, действующими в России, и созданием фонда, который, кстати сказать, фактически уже существовал при редакции «Колокола» с 1862 г. Руководство же движением и «пропаганда в действии», по мнению Герцена, — не дело эмиграции. Эти задачи могут принять на себя и разрешать только революционеры, работающие внутри страны, а не за ее пределами.

Расходился Герцен с «молодыми эмигрантами» и по вопросу о фонде. Они желали поставить под свой контроль не только «общий фонд», созданный редакцией «Колокола», но и фонд оставленный Герцену Бахметевым, который Герцен считал необходимым во что бы то ни стало сохранить в неприкосновенности до того времени, когда о судьбе жертвователя будут получены более точные сведения.

Таков был круг вопросов, вызывавших разногласия в среде русской эмиграции в шестидесятых годах. Заняться этими вопросами предстояло женевскому съезду. Как известно, соглашение на съезде достигнуто не было. Мало того, после съезда отношения между «старой» и «молодой» эмиграцией значительно ухудшились.

Второе из писем, печатаемых ниже, имеет непосредственное отношение к «общему фонду». Адресовано письмо неизвестному лицу, претендовавшему на пособие из фонда, но получившему отказ, вследствие того, что ему, по мнению Герцена, не удалось «предъявить право» на пособие. Лицо это осталось, конечно, недовольно и поспешило выразить Герцену свое негодование, обвинив его в присвоении права бесконтрольно распоряжаться фондом. Для того чтобы содержание ответа Герцена было по возможности ясным, необходимо остановиться вкратце на истории «общего фонда».

Как мы уже говорили, фонд этот был создан в 1862 г. при редакции «Колокола». В листе 133-м помещено было извещение «От издателей», датированное 12 мая 1862 г. В нем сообщалось, что в ответ на несколько писем, полученных из России, издатели «Колокола» решили учредить при редакции «сбор денег, предназначенных на *общее наше русское дело*», принимая на себя «не только обязанность хранения денег, но и тяжелую ответственность употребления их». В заключение издатели «Колокола» заявляли, что они будут вести строгую отчетность и отдадут в израсходовании денег «*гласный отчет* тогда, когда он будет возможен» (XV, 129).

Это обращение издателей «Колокола» не встретило серьезного сочувственного отклика. Пожертвования поступали, но весьма немногочисленные. Через четыре месяца Герцен и Огарев оказались вынуждены напечатать в «Колоколе» новое заявление «От издателей», в котором между прочим сообщали: «Сумма до такой степени мала, что ее даже недостаточно для пособия русским эмигрантам, число которых возрастает, благодаря безумному террору, царящему в Петербурге» (XV, 369). Через месяц пона-

Правила авторского общества
русской типографии

1. Всякая русская типография принадлежит обществу авторов.
2. Вправе типография нести на себя все расходы, взнос в обществу авторов.
3. На правах редактора выпускает сто экземпляров авторских корректур, но для продажи экземпляры, выходящие за пределы общины.
4. При продаже авторских экземпляров, для уплаты за авторский экземпляр, автор получает 1/3 стоимости в авторском экземпляре, остальные 2/3 принадлежат типографии.
5. Не исключено, что авторская стоимость, выходящая за пределы общины, автор может продать в пользу общины авторской общины.
6. Авторская стоимость, выходящая за пределы общины, автор может продать за пределами общины, но автор должен ее отработать или же наоборот.
7. Авторская стоимость, выходящая за пределы общины, автор может продать за пределами общины, но автор должен ее отработать.
8. Авторская стоимость, выходящая за пределы общины, автор может продать за пределами общины, но автор должен ее отработать.
9. Авторская стоимость, выходящая за пределы общины, автор может продать за пределами общины, но автор должен ее отработать.

принимать с тем же количеством экземпляров.

23. На исключительный авторский экземпляр, исключительный автор имеет право преимущественное право издания.

24. Автор, при выходящих авторских экземплярах, имеет право преимущественное право издания.

25. Автор, отдавая авторские экземпляры, имеет право преимущественное право издания.

26. Автор, отдавая авторские экземпляры, имеет право преимущественное право издания.

27. На авторские экземпляры, автор имеет право преимущественное право издания.

28. Автор, отдавая авторские экземпляры, имеет право преимущественное право издания.

—
—
—

И. И. Касаткина

И. И. Касаткина

И. И. Касаткина

И. И. Касаткина

«ПРАВИЛА АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ, С АВТОГРАФИЧЕСКИМИ ПОДПИСАМИ
ГЕРЦЕНА, ОГАРЕВА И ДРУГИХ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА, 1865 Г.

Написаны рукой В. И. Касаткина
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

добилось новое напоминание об «общем фонде». «...Мы еще раз должны сказать всем русским, сочувствующим нам,— писали издатели «Колокола»,— что денежные присылки, доставленные нам, до того ничтожны, что они даже не покрывают самых необходимых трат для первого вспомоществования русским, вынужденным оставить Россию на время правительственного безумия» (XV, 474). Еще через два месяца в «Колоколе» появилась заметка, доводившая до сведения читателей, что за время существования фонда (с половины мая до половины ноября) общая сумма пожертвований достигла всего 163 фунтов стерлингов и 1 шиллинга и что из этой суммы израсходовано 90 фунтов.

Приведя эти данные, Герцен спрашивал: «... можем ли мы что-нибудь делать с такими скромными средствами?» (XV, 545). Действительно, положение Герцена было весьма затруднительным: денег нехватало даже на вспомоществования эмигрантам, не говоря уже о других нуждах. Естественно и то, что среди людей, недостаточно знакомых с положением «общего фонда», особенно тех, кому Герцен отказывал в помощи, возникало большое недовольство, создавшее благоприятную почву для всяких нареканий по адресу редакции «Колокола» за ее «бесконтрольное» распоряжение фондом.

Положение Герцена сделалось еще более затруднительным, когда в «Колоколе» (л. 157 от 1 марта 1863 г.) появилось сообщение от имени «Земли и воли» с призывом, обращенным ко «всем русским на денежное пожертвование в пользу сосланных и ссылаемых и на сопряженные с общим делом расходы». В сообщении этом указывалось, что «путешествующие за границей» могут доставлять жертвуемые деньги издателям «Колокола», которые принимают на себя ручательство за доставку пожертвований по назначению.

О том, куда должны направлять пожертвования те русские люди, которые не путешествуют за границей, а живут в России,— в «Колоколе» не говорилось ни слова. Пропуск этот был исправлен в другом сообщении от имени «Земли и воли», напечатанном вскоре, но уже не в «Колоколе», а в «Общем весте» (№ 13 от 15 марта 1863 г.). Здесь сообщалось, что живущие в России должны направлять пожертвования прямо в Совет общества «Земля и воля». «А где найти Совет общества,— говорилось далее,— кто захочет—сам догадается». Конечно, такая неудачная формулировка могла способствовать только полному срыву задуманного сбора пожертвований. Ведь если каждый желающий имеет возможность так легко найти Совет тайного общества, то столь же легко могут найти его и агенты тайной полиции. В действительности же наладить связь с представителями тайного общества было вовсе не легко и вышеприведенное приглашение, свидетельствующее о недостаточно серьезной постановке дела, конечно, не могло не отозваться весьма вредно на сборе материальных средств.

Помимо этого, возникал неразрешимый вопрос, в каких отношениях сбор, объявленный «Землей и волей», находится к «общему фонду», сохраняет ли этот фонд свою самостоятельность или же он сливается с фондом «Земли и воли»? Эта неопределенность, устраненная только со временем, тоже не могла не отражаться на сборе денег.

В 1863 г. в «Колоколе» (л. 170 от 1 сентября) появилась следующая заметка: «В общем фонде не только ничего нет, но дефицит растет с необходимостью поддерживать русских, не имеющих возможности возвратиться в Россию» (XVI, 489). А в 1864 г. Герцен, сообщая в «Колоколе» (л. 189 от 1 сентября) о поступлении в «общий фонд» 50 франков, 6 русских полумпериалов и 20 гульденов, меланхолически замечал: «... мы начали даже забывать об его существовании», т. е. о существовании общего фонда (XVII, 341).

Положение не изменилось и в последующие годы. В 1867 г. Герцен сообщил («Колокол», л. 241 от 15 мая 1867 г.) о ликвидации «общего фонда». «Мы с 15 мая,— писал Герцен,— прекращаем всякий сбор и, готовые передавать деньги „по назначению“, не будем иметь ни кассы, ни участвовать в ее распределении» (XIX, 315).

Так печально закончилось одно эмигрантское предприятие, имевшее, казалось бы, большие шансы на успех. История его до настоящего времени остается не вполне ясной.

<1>

25 дек<абр> 1864. Montpellier

На днях я писал, что «Колокол» и на 1865 <год> — как прежде — будет «органом социального развития России» — органом всего и всех, кто идет к нему и пр.¹ Оставьте его этим органом — и давайте ваши труды, труды общих друзей, устройте корреспонденции, устройте сбыт; вы говорите,

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Рисунок Н. Н. Миклухи-Маклая с фотографии 1859 г.

Литературный музей, Москва

что это легко, тем лучше. Это легкое не было сделано, потому что не было силы. Поднимать бессильные знамена — значит ронять их, т. е. производить недоноска *non viable**. Что могло быть выше знамени, взятого из ог<аревской> ст<атьи> «Что нужно народу?» — *Земля и воля*². Что сделалось с ним, что сделали из него? На одной сильной личности держалось движение, а сослали — где продолжение?³ Право, надобно прямо

* нежизнеспособного (франц.).

смотреть в глаза обстоятельствам. Когда в 1863 году приезжал Сл(ешцов) и повествовал — я сильно сомневался⁴. Бак(унин) по страсти к агитации, Ог(арев) по фанатизму к делу верили больше меня. Я не хотел и не должен был мешать, я осадил свой скептицизм и наделал ряд ошибок... наконец, я поставил свое veto против забраня (<?) фондов Б.⁵; что было бы, если б и эта ошибка была сделана?

Сойтись с людьми, близкими по религии и симпатии, — я хочу искренно... Но что за новое политическое дело — русская эмиграция? Деятельность пропаганды в действии — должна быть дома, в России. Действительное) дело сводится на пропаганду, сношения и фонды. Укажите сношения, сделайте их на практике, соберите фонды — дайте осязать силу, а не прекрасное желание. «Ее нет еще» — что же делать, будем ждать. В истории нет примера, чтоб группа людей, выделившаяся своевременно, чтоб вести массу, была лишена средств, таланта, денег, поддержки в общественном) мнен(ии).

Может, всё это и есть в зачатке. Перед вами, перед нами 3 месяца, пожалуй 4 — до окончательного) переезда⁶. — *Делайте*, и «Кол(окол)» станет органом силы и групп (но только никак не эмиграции, составляющей) случайность и временную нужду), но для этого нужны силы и группы — их не было. Было знамя... Давайте статьи вроде статей Жуковского, Genrebilder * вроде Якушк(ина)?, разбирайте один за одним все экономические вопросы. — Зачем вы разошлись с Касат(киным), у которого капитал?⁸

Вы опять думаете устроить дело на бах(метевский) фонд (т. е. взявши наши средства — etc.)?⁹

Автограф ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 134, лл. 24—25.

¹ Герцен имеет в виду свою статью «1865», опубликованную за подписью его и Огарева в «Колоколе» (л. 193 от 1 января 1865 г.; ср. XVIII, 3—4).

² Речь идет о статье Огарева «Что нужно народу?», напечатанной без подписи в «Колоколе» (л. 102 от 1 июля 1861 г.).

Статья эта, написанная в соответствии с советами будущих деятелей тайного общества «Земля и воля», Н. А. Серно-Соловьевича, Н. Н. Обручева и других, рассматривалась как программа общества. Она была отпечатана также в виде листовок и получила широкое распространение в России. На вопрос, «что нужно народу?», Огарев отвечал: «Очень просто, народу нужна земля да воля».

³ Подразумевается Н. А. Серно-Соловьевич. Говоря о том, что с его арестом (7 июля 1862 г.) деятельность общества «Земля и воля» прекратилась, Герцен допускает неточность. В действительности, и лишившись Серно-Соловьевича, тайное общество продолжало свою работу до тех пор, пока восторжествовавшая в стране реакция не сделала деятельность общества невозможной.

⁴ А. А. Слепцов, член Центрального комитета «Земли и воли», по поручению Комитета в феврале 1863 г. приехал в Лондон для переговоров с Герценом и Огаревым. Он предлагал превратить «Колокол» в орган «Земли и воли» и создать при нем Главный совет тайного общества. Герцен, не желая терять самостоятельности, уклонился от первого предложения Слепцова, но Совет общества «Земли и воли» при редакции «Колокола» был создан.

⁵ Герцен, по всей вероятности, имеет в виду намерение русской колонии в Гейдельберге во главе с В. И. Бакстом создать особый фонд для помощи нуждающимся эмигрантам и для различных революционных предприятий, организуемых эмиграцией (о русской колонии в Гейдельберге см. подробно в моей статье «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 4 и сл.). Герцен не без основания подозревал, что, проектируя организацию этого фонда, Бакст вместе с товарищами добиваются слияния его с так называемым «бахметевским фондом». Поэтому он отрицательно отнесся к их проекту, наложив на него свое veto (ср. письмо Герцена к Огареву от 15 февраля 1863 г. и комментарий Лемке к нему — XVI, 68—69). О том же проекте упоминает он и в конце настоящего письма.

⁶ Речь идет о переводе Вольной русской типографии из Лондона на континент, о чем Герцен начал думать еще в 1863 г., когда в Швейцарии образовался центр рус-

ской эмиграции. Герценовская типография была отправлена в Женеву 15 марта 1865 г.

⁷ Герцен имеет здесь в виду статьи, напечатанные в некрасовском «Современнике» начала 1860-х годов публицистом Юлием Галактионовичем Жуковским (1822—1907) и известным собирателем произведений народной поэзии Павлом Ивановичем Якушкиным (1820—1872). Среди других своих работ Ю. Г. Жуковский опубликовал на страницах журнала за 1863—64 гг. статьи: «О народности в политике», «Крестьянское дело и общественная инициатива», «Новые исследования о литературной собственности», «Затруднения женского дела», «Историческое развитие вопроса о рабочих ассоциациях во Франции», «Война и мир» Прудона, обзоры «Русская литература» и др. Упомянув о «*Genrebilder* ерде Якушкина», Герцен, несомненно, имел в виду очерки П. И. Якушкина «Велик бог земли русской» (1863) и его известные «Путевые письма» (1861). Эти очерки, насыщенные богатым бытовым и этнографическим материалом, высоко ценились демократическим читателем 60-х гг.

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ

ВЪ ЖЕНЕВѢ.

—o—

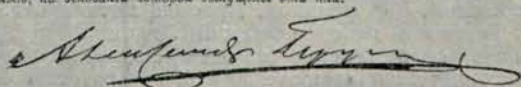
200ФР.

ПАИ

200ФР.

ДВѢСТИ ФРАНКОВЪ.

Предъявитель или унаследуетъ въ вывозѣ Типографіи, получаѣ проценты, который будетъ причитаться согласно программѣ, на основаніи которой вывужены эти паи.

N. 6

1865

N. 6

—o—

ПАИ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ЖЕНЕВЕ С ФАКСИМИЛЕ ГЕРЦЕНА, 1865 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

⁸ Представители «молодой эмиграции» враждебно относились к В. И. Касаткину не только потому, что в эмигрантских спорах и столкновениях он поддерживал Герцена, но и вследствие его тяжелого характера. Сам Герцен еще в 1863 г. писал Огареву: «Мне кажется, что Касатк(ин) — мелочной человек» (XVI, 538).

⁹ О П. А. Бахметеве см. в публикации Н. П. Анциферова в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 526—528, а также рассказ Герцена в «Былом и думах» (XIV, 414—418).

<2>

ИВ. ЛЕВИЦКОМУ

30 окт(ября) 1865. La Boissière

Милостивый государь,

Я так давно писал к вам ответ на вашу записку¹, что вовсе не помню его. Но замечание, что «я не могу лично распоряжаться с деньгами общего фонда»* совершенно верно. В 1862, когда было решено составить фонд, было положено — о выдачах спрашивать двух тогда назначенных лиц. В той же записке, составленной первыми вкладчиками, именно сказано, что при желании пособия — следует предъявлять право².

* Слова, взятые в кавычки, зачеркнуты рукой И. Левицкого, а на полях его же рукой каллиграфическим почерком написано: переврано.

Считая себя обязанным объяснить вам мои слова, в которых решительно нет ничего оскорбительного, я считаю себя вправе после вашего письма просить о прекращении всяких отношений между нами*.

Желая вам искренно успеха, остаюсь

А. Герцен

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 134, л. 23.

¹ В «пражской коллекции» сохранились документы, проливающие свет на обстоятельства, вызвавшие настоящее письмо Герцена. Имеем в виду четыре письма Левицкого к Герцену, написанные в Женеве в 1865 г., и письмо к нему же Н. Я. Николадзе (Рио-Нелли), тоже в 1865 г. Но прежде чем говорить об этих обстоятельствах, необходимо сообщить то немногое, что известно об адресате письма — Левицком.

Из упомянутых писем его к Герцену выясняется, что он был направлен Герценом в Тульчу, а это дает основание предположить, что именно об этом Левицком упоминает Кельсиев в своей «Исповеди», как о человеке, приехавшем в Тульчу в поисках заработка и вскоре же покинувшем этот город. Кельсиев называет упомянутого им Левицкого «галицким русским» (см. «Исповедь» В. И. Кельсиева, «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 384 и 386). Однако в этом можно сомневаться. Дело в том, что одно из своих писем к Герцену Левицкий снабдил двойной датой: как нового, так и старого стиля. А это маловероятно со стороны русина, ибо в Галиции в употреблении был только новый стиль. Комментатор «Исповеди» Кельсиева М. М. Клевенский к фамилии Левицкого сделал примечание: «*Левицкий* Андрей Андреевич — воспитанник военного училища в Галиции. Принял участие в польском восстании 1863 г.» (там же, стр. 464). Письма Левицкого к Герцену дают возможность установить неточность этого пояснения: судя по подписи Левицкого в этих письмах, его звали не Андреем, а Иваном.

По отъезде из Тульчи Левицкий поселился в Швейцарии. 5/17 марта 1865 г. он обратился к Герцену с просьбой выслать ему, ввиду его тяжелого материального положения, 200 франков. Просьба мотивировалась ссылкой на обещание, данное ему Герценом перед поездкой Левицкого в Тульчу. Герцен выслал ему деньги. Однако вскоре (письмо без даты) Левицкий вновь обратился к Герцену с просьбой о дополнительной выдаче 50 руб. из средств «общего фонда». Герцен отказался сделать это, указывая, что не считает себя вправе располагать средствами «общего фонда» по своему усмотрению (это письмо Герцена не сохранилось). Левицкий не понял Герцена: ему показалось, что Герцен обвинил его в намерении присвоить себе право участвовать в распоряжениях по «общему фонду». Левицкий написал Герцену, что находит для себя оскорбительным письмо, полученное им от «надворного советника Герцена». Ответом на это-то письмо Левицкого и является публикуемое нами письмо Герцена, написанное 30 октября. Это письмо еще более раздражило Левицкого, и он на другой день, 31 октября, написал Герцену еще одно, весьма резкое письмо, в котором заявлял о полном прекращении сношений с Герценом.

Столкновение между Герценом и Левицким послужило, повидимому, предметом третьейского разбирательства. Об этом мы узнаем из письма Н. Я. Николадзе к Герцену (датируется ноябрем 1865 г., Женеве, подписано: Рио-Нелли). В письме читаем: «Я имел случай рассказывать Шелгуновой историю Левицкого при предварительном совещании в jury d'honneur**». Она поручила Ржонсницкому (польский эмигрант, живший в Женеве. — В. К.) передать Левицкому, что, считая его поступок с вами отвратительным, не желает иметь с ним никаких сношений».

² Составленная первыми вкладчиками «общего фонда» записка не обнаружена до сих пор. Неизвестно также, кто именно были те два лица, которым в 1862 г. было поручено рассматривать вопросы о выдаче вспомоществований. Надо думать, что одним из этих лиц являлся представитель редакции «Колокола», — вернее всего, сам Герцен. Что же касается другого лица, то можно предполагать, что им был эмигрант Касаткин: как видно из письма к нему Герцена от 4 апреля 1863 г., он производил выдачи из «общего фонда» (XVI, 202). Однако может быть это был не Касаткин, а Бакст.

Само собою разумеется, что кем бы ни был второй уполномоченный, роль его всегда являлась весьма скромной, а с течением времени свелась к нулю, и, таким образом, Герцен распорядился «общим фондом» единолично. Этим, по всей вероятности, и объясняется то, что, рассказывая в «Былом и думах» о судьбах «общего фонда», Герцен ни о каком втором распорядителе не упоминает. Ясно также и то, что все неприятности, связанные с «общим фондом», падали всецело на Герцена.

«Одним деньгами эти нужны были, — сообщает он, — для посылки эмиссаров, другим — для образования центров на Волге, третьим — для издания журнала». И когда Герцен отказывал в подобных просьбах, обиженные говорили про него: «Стареем и становимся скупо» и грозили «продернуть» его в печати (XIV, 418, 419).

* Начиная со слова «просить» и до конца вычеркнуто Левицким.

** суде чести (франц.).